

Материалы III Международной
научной конференции

ЭТНОЛИНГВИСТИКА
ОНОМАСТИКА
ЭТИМОЛОГИЯ

Екатеринбург
7-11 сентября 2015 г.

Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Институт славяноведения РАН
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

ЭТНОЛИНГВИСТИКА.

Ономастика. Этимология

Материалы
III Международной научной конференции
Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2015

ББК Ш 100.04

Э 913

*Издание подготовлено в рамках поддержанного РГНФ
научного проекта № 15-04-14035*

Редакционная коллегия:

Е. Л. Березович (отв. ред.), Е. О. Борисова (отв. секр.), Н. В. Кабинина,
М. Э. Рут, Л. А. Феоктистова

Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы
Э913 III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. /
[отв. ред. Е. Л. Березович]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та,
2015. — 318 с.

ISBN 978-5-7996-1524-6

В работах исследователей из России, стран ближнего и дальнего зарубежья рассматривается широкий спектр актуальных проблем этнолингвистики, ономастики, этимологии как общего, так и частного порядка. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия указанных областей языкознания — лингвокультурологическим аспектам ономастики, диалектологии и контактологии, этимологизации и семантической реконструкции нарицательных и собственных имен с опорой на этнолингвистическую информацию и др. Материалом для докладов послужили факты различных языков — в первую очередь русского и других славянских, а также романских, германских, финно-угорских, тюркских и др.

ББК Ш 100.04

ISBN 978-5-7996-1524-6

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2015

© Институт славяноведения РАН, 2015

© Уральский федеральный университет, 2015

унаследовать от базовой ситуации позитивные оценочные смыслы. Причины появления отрицательной оценки нужно искать в иных сферах, возможно, интралингвальных, таких как ироническое переосмысление исходного выражения, семантические аттракции (притяжение к смыслу метафоры *грязится*), резкое сужение референции или усечение более полной конструкции.

Таким образом, внутренняя форма, формируя в сознании некий представляемый образ, служит отправной точкой в развитии сложного фразеологического значения. Исходный образ, из которого выводятся логические и оценочные импликации, обязательно должен быть погружен в национально-культурный и временной контекст. При генетической реконструкции следует учитывать как ту информацию, которая содержится во внутренней форме, так и разнообразные лингвокультурные факторы.

Е. В. Захарова, И. И. Муллонен, Н. Л. Шибанова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,

Петрозаводск

katja.zaharova@mail.ru, mullonen@sampo.ru, shnl@krc.karelia.ru

«История, положенная на карту»: топонимические модели Карелии*

Термин *модель* традиционно используется в российской топонимике применительно к топонимическому словообразованию, хотя в славянской ономастике содержание его шире и включает также лексико-семантическую составляющую. О необходимости подобного «широкого» понимания в свое время писал Э. Эйхлер, отмечая, что топонимическая модель является единством исходной (именование объектов посредством определенных лексем) и словообразовательной моделей, а Р. Шрамек обращал внимание на временной и пространственный характер бытования топонимических моделей.

* Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ № 14-04-00243 «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте».

© Захарова Е. В., Муллонен И. И., Шибанова Н. Л., 2015

прагматические), но и на внелингвальные, прежде всего национально-культурные и исторические.

О необходимости учитывать национально-культурную специфику при установлении мотивации сказано и написано уже немало, поэтому обратимся к лингвистическому аспекту. Так, во многих славянских языках известны фраземы с так называемым псевдоонимом: рус. *поехать в Могилевскую губернию* 'умереть', укр. *віддатися за Муравського* 'то же', *заїхати в Харківську губернію* 'ударить кого-либо по лицу', *повернути у Брехунівку* 'начать обманывать'. В таких выражениях именно псевдооним выступает семантическим центром целого выражения, причем не сам по себе, а как основа соответствующих ассоциаций. Если же внутреннюю форму таких фразем интерпретировать буквально, исходя из семантической нагрузки отдельных компонентов, то окажется невозможным обосновать появление фразеологического значения.

Аналогичная картина наблюдается в группе фразем, которые возникли вследствие иронического переосмысления исходных выражений, таких как *получить на орехи (бублики, баранки)* 'быть наказанным', рус. *держи карман шире*, укр. *тримай в обидві жмені* 'не рассчитывай получить ожидаемое', а также рус. *держаться на честном слове, открыть Америку, скатертью дорога* и некоторые другие. Анализ внутренней формы в таких случаях может оказаться бесполезным приемом, если его не дополнить учетом речевой специфики функционирования выражений, послуживших языковой основой для образования этих идиом, а также прагматических аспектов коммуникации, которые и стали базой для иронического переосмысления исходных выражений.

Как известно, особенно высок процент выражений, в которых наблюдается разрыв между внутренней формой и семантикой, среди так называемых идиом. При анализе их происхождения необходим учет и синтез разных факторов. Например, фразема *гризти з ким горіхи* 'враждовать, конфликтовать', известная в украинской традиции с XVII в., наделена прозрачной внутренней формой. Однако этот факт не дает оснований для выведения фразеологического значения: если опираться на народную практику «разгрызания орехов» (легкое и приятное занятие на досуге), то можно ожидать появления у фраземы положительной оценки, т. е. идиома теоретически должна была

Понятие «модель» является одним из основополагающих и в прибалтийско-финской топонимической науке, которая исходит из того, что вместе с языком человек усваивает также систему окружающих его топонимов. Последняя становится для него своего рода макромоделью, когда он присваивает географическим объектам те или иные имена. Поэтому, как правило, новые топонимы создаются в рамках уже существующих морфологических типов, определенного круга топооснов, семантических классов. Бытование таких моделей чрезвычайно ценно для этнолингвистических изысканий, поскольку многие модели имеют достаточно четко очерченные ареалы, формирование которых может быть соотнесено с экспансией определенных групп населения, историей образования этнических территорий, этноязыковых и диалектных границ и т. д.

В ходе выполнения проекта «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте» идея хронологической и географической приуроченности моделей проверяется нами на материале о з е р н о й т о п о н и м и и (озеро, озерный залив, мыс, остров). Такой выбор обусловлен массовостью подобных топонимов в Карелии, а также тем, что для них возможна картографическая проверка топонимической информации (размер объектов, их форма, взаимное расположение и т. д.), что является одним из критериев надежности анализа. Основные источники материала — ГИС «Топонимия Карелии» и научная картотека топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Согласно результатам анализа, значительное этноисторическое содержание заключено в ареальном противостоянии моделей. Так, в карельской топонимии для номинации небольших по размеру круглых озер используется два прилагательных с семантикой 'круглый' — с одной стороны, *pyörie* и его производные *pyörykkä* и *pyöryžä*, с другой — *kiehkie*, *kiehker*. Соответствующие модели характеризуются выраженной ареальной дистрибуцией. Первое явно превалирует (*Pyörie/lambi*, *Pyörykkä/lambi*, *Pyöryžy/lambi* «Круглая ламба»), второе отмечено лишь в ряде фиксаций на южной окраине карельского языкового ареала (*Kiehker/lambi* «Круглая ламба»), в зоне активных карело-вепсских контактов. Формирование этого ареала, по всей видимости, является следствием вепсского влияния, причем на топонимическом уровне: лексемы *kiehkie*, *kiehkerä* бытуют в карельских диалектах, но в целом они не приобрели популярности в карельской топонимии, реализовавшись только

на смежной с вепсским ареалом территории в результате взаимодействия топонимических систем. Отметим, что свои ареальные «предпочтения» есть у каждой из трех названных моделей: *Puõrie/lambi* продуктивна в Беломорской Карелии, *Puõrykkä/lambi* — в средней Карелии, в ареале бытования южных собственно карельских говоров, *Puõryžy/lambi* — в южной олонецкой Карелии. Формирование соответствующих ареалов тесно связано с карельской этноязыковой историей.

Как оказывается, наряду с универсальными моделями, используемыми в наименованиях разных типов озерных объектов, часть моделей довольно четко привязана к объектам определенных видов. Например, «широкими», как правило, в карельской топонимии называются озерные заливы (*Levie/laksi* «Широкий залив»), тогда как широкие (т. е. короткие, округлые) мысы именуются «толстыми» (*Paksu/niemi* «Толстый мыс»). При этом последняя модель имеет четкие пространственные границы — она представлена в ареале, который осваивался карелами в XV–XVI вв. Ее отсутствие в других прибалтийско-финских топонимических системах позволяет ставить вопрос о возможном воздействии соответствующей русской модели *Толстый мыс / нос / наволок*, которая могла быть воспринята, например, в результате русского этноязыкового влияния в землях Корельского уезда.

Нами предлагаются некоторые подходы для выявления относительного «возраста» топонимических моделей. Одним из таких критериев, видимо, следует считать размер географических объектов. Так, предварительный анализ указывает на то, что из двух топооснов с семантикой 'кривой' — *Viärä-* и *Kovera-*, функционирующих на одной и той же карельской территории, — первая привязана к более крупным, а значит, в принципе названным раньше озерам (модели *Viärä/järvi* «Кривое озеро» и *Kovera/lambi* «Кривая ламба» являются типовыми). Вероятно, в установлении относительного «возраста» модели определенным критерием может служить также расположение объекта относительно исторических поселений, путей освоения территории, границ этнических территорий.

Использование ареального или, иначе, типологическо-географического, метода, основанного на этнолингвистической интерпретации ареалов отдельных топонимических моделей, позволило значительно продвинуться в понимании происходивших на территории Карелии этноисторических процессов.